

Однажды мой муж произнес замечательную фразу: «Режиссер всю жизнь снимает один и тот же фильм. А писатель пишет одну книгу, длиною тоже в жизнь».

Эта книга — скорее дневник, очень личный и искренний. В ней ничего не придумано, все честно. Герои названы своими именами — это мои подружки и их дети, знакомые, приятельницы. Через эти крошечные заметки, наблюдения, смешные диалоги я и хотела показать нашу с вами жизнь. Да, бывает страшно, часто падаешь от усталости и груза ответственности, живешь будто на автомате, попадая в день сурка. Но жизнь — очень интересное приключение. Особенно когда в ней есть дети.

* * *

Много лет назад. Я, молодой, начинающий автор, приехала на встречу с читателями. В большом зале были заняты два стула в разных углах. Две милые с виду женщины. Они что-то читали и, когда я начала говорить, посмотрели на меня с укоризной — я им явно мешала. Они хотели читать в тишине. Встреча закончилась, так и не начавшись.

Издательство выбрало для меня прекрасный отель, в самом центре. Утром я не могла избавиться от запаха плесени. Перенюхала все — постельное белье, мини-бар, но оказалось, что плесенью или тинной пахну я. Причем вся — с ног до головы, благоухаю так, будто только вылезла из болота. И никакие духи этот запах не перебивают. Я подошла к девушке на ресепшен и спросила, мол, может, что-то с водой?

— Конечно! — радостно подтвердила та. — У нас вода прямо из Невы!

— А почему я пахну канализацией? — уточнила я.

— Душ принимали? Тогда как еще вы должны пахнуть? — удивилась девушка. — Или вам что-то не нравится? — она уничтожила меня взглядом.

Тут я поняла, что да, ничего не понимаю.

Маша Трауб

* * *

Следующий приезд в Питер. Запланировано интервью. Брать его приходит женщина в перчатках-митенках и шляпке с вуалью. Ну да, день, центр города, кафе, как же без вуалетки? Отчаянно надеюсь, что дама не по мою душу, но нет, идет к моему столику. Я специально смотрю на часы — она опоздала на двадцать пять минут. Дама игнорирует намек и сразу же объявляет, что она меня не читала и читать не собирается. Спрашивает, почему я не люблю животных. Отвечаю, что люблю и даже очень. Говорит, что я не могу писать о романах, раз замужем. Отвечаю, что могу, для этого не обязательно иметь связи на стороне. Шляпка презрительно вздрагивает. Спрашиваю: с чего вы сделали такие выводы, раз не читали?

— Мне достаточно на вас взглянуть, — хмыкает дама, будто я на ее глазах поковыряла в носу и вытерла козьявку о занавеску. Видимо, отсутствие митенок и шляпки приравнивается к козьявкам.

— Простите, мне просто любопытно. Вы опоздали на двадцать пять минут и даже не извинились. Это нормально? — спросила уже я.

— Вы не понимаете и никогда не поймете, потому что вы не писатель. — Вуалетка презрительно вздрогнула.

— Ну а все же? — настаивала я.

— У нас здесь впереди вечность. Она в воздухе, — с вызовом ответила вуалетка и ушла, не попрощавшись.

Интервью, кажется, так и не вышло в печать. А я теперь говорю про тех людей, кто опаздывает, «у них впереди вечность».

Новые семейные обстоятельства

* * *

Уже в Москве. Прихожу на встречу в темных очках. Миллион раз извиняюсь, объясняю, что у меня воспаление слезных каналов. До этого несколько раз ездила на промывание. То еще удовольствие — будто тебе в мозг заливают воду. А там, в смысле в мозге, и так с утра гулкая пустота. Теперь в этой пустоте еще и плещется что-то, но явно не мозги.

Я считала, что боль в ухе — тяжело. Но нет: когда болят глаза и их хочется вынуть, прополоскать и вставить снова — вот это тяжело. На той встрече я что-то рассказывала, утирая льющисся слезы и сдерживая желание расчесать глаза.

Уже после, на выходе, слышу разговор женщин, собравшихся кружком.

— Жалко ее, — говорит одна.

— Да ладно, бухает она! — отвечает вторая.

— Может, правда глаза? — предполагает третья.

— Да, глаза и бухает, — ставит диагноз вторая.

Та же история повторилась, когда у меня начались проблемы со связками. Несколько раз выступала с больным горлом, на таблетках. Как назло — встречи одна за другой, некоторые без микрофона, приходилось чуть ли не кричать. После чего я онемела в буквальном смысле слова. Потом начала сипеть. Пошла к врачу. Несмыкание связок. Таблетки, процедуры, занятия со специалистами-фониатрами. Или — низкий голос с хрипотцой. Даже не или — все равно хрип останется. Совет — не шептать, будет хуже. Говорить как можно громче. В молодости у меня был высокий голос. На выступлениях по радио всегда

Маша Трауб

просили говорить на тон или два ниже. Высокие голоса плохо звучат в эфирах. И вот наконец я обрела голос, о котором всегда мечтала. Тот, который называется «радийный» — низкий, вкрадчивый.

— Ты болеешь? — спрашивали знакомые первое время. Потом привыкли.

— Вы простужены? — спрашивали на встречах ведущие, организаторы и прочие лица.

Мне было больно не то что говорить — даже дышать. Я не управляла собственным голосом, который мог пропасть в любой момент. До выступлений, как советовали врачи, старалась молчать. После — если бы и хотела, не могла говорить. Голос пропадал начисто. Даже издать звук была не способна. Но к этому быстро привыкаешь. На очередной встрече я заранее извинилась, если вдруг начну хрипеть, сопеть, неметь и издавать невнятные всхлипы. После услышала разговор.

— Да курит она, как сантехник, — авторитетно заявляла одна из женщин, пришедших на встречу.

Почему как сантехник, я очень хотела уточнить. Обычно говорят, «курит, как паровоз» или «как сапожник». Или пьет, как сапожник? Да, точное выражение — «пьет, как сапожник, ругается, как извозчик, а курит, как старый солдат». О чем я и сообщила женщине. Та посмотрела на меня так, будто я не просто вытерла козявку о занавеску, а съела ее.

* * *

На встречах с читателями часто спрашивают, с кем из других писателей я дружу, знакома. Всегда рассказываю эту историю.

Новые семейные обстоятельства

Прилетела в далекий северный город. Половина третьего ночи или уже утра — не знаю. В это время суток я даже не помню, как меня зовут. В принципе откликаюсь на все имена и фамилии. По идее, меня должны встречать. Рассматриваю встречающих, которых не много. А с листочком, на котором написаны две буквы — ГБ, всего один. Через полчаса в вестибюле аэропорта я и мужчина с листочком остаемся одни.

— Извините, если ваш пассажир не приехал, может, вы меня довезете? — спрашиваю я, благо знаю, в какой гостинице мне забронировали номер.

— Ну давайте. Что уж. Ждал вот одного из Москвы, так не прилетел. Хоть бы предупредил. Зря я, что ли, машину прогревал? — соглашается мужчина.

— А что означает ГБ? — уточняю я в рамках светской беседы.

— Как что? Государственная библиотека. А что еще может означать?

— Ну, например, для меня это — городская больница или гипертоническая болезнь. Еще головная боль. — В голове еще крутились гигабайты.

Я поблагодарила, решив не признаваться, что мужчина встречал именно меня, но я не догадалась.

В гостинице сонная девушка на ресепшене долго разглядывает мой паспорт, потом так же долго гипнотизирует монитор компьютера.

— На вас брони нет, — наконец говорит она.

— Как нет? Хорошо, давайте вы меня поселите без брони, а утром разберемся, — прошу я, потому что мне уже все равно. Лишь бы лечь.

Маша Трауб

— Не могу. У нас в городе проходит конференция, поэтому все номера заняты. Остался один, для Трауба.

— Это я! — восклицаю я.

— Нет, вы не Трауб. — Девушка опять сверяется с моим паспортом, где записана девичья фамилия.

— Да, верно, Трауб — литературный псевдоним. Пожалуйста, поселите меня!

— Не имею права. А если придет Трауб?

— Я вам клянусь, он не придет! Я вместо него! — чуть ли не кричу я.

— А чем вы можете доказать, что Трауб — это вы? У вас есть документ? Я думала, что Трауб — это мужчина. Я ждала мужчину. Михаила.

Организаторы действительно оставили бронь на некоего М. Трауба. И девушка представила себе Михаила. Кажется, в мыслях она уже вышла за него замуж и знала, как будут звать их будущих детей, а тут появилась я.

— Девушка, милая, ну какие могут быть документы на псевдоним? Понимаете, многие писатели, актеры, артисты работают под псевдонимами, а в паспортах у них совсем другие фамилии. Ну вот Игорь Северянин, Ильф и Петров, Демьян Бедный — это же все псевдонимы.

Девушка молчала, переваривая информацию.

— Хотите, я вам книжку покажу? Там есть моя фотография, — предлагаю наконец я.

Роюсь в чемодане и достаю книжку.

— Вообще не похожа, — сообщает мне девушка.

Тут я уже начинаю тихо подвывать. Потому что в жизни в три часа ночи я и вправду на себя не похожа, вообще никакая.

Новые семейные обстоятельства

Но, на мое счастье, девушка начинает сдаваться.

— Вы точно знаете, что Михаил не приедет? — спрашивает она меня.

— Мамой клянусь. Вот буквально сегодня его видела. Понимаете, мы, писатели, чуть ли не каждый день ходим друг к другу в гости. Михаил приходил на завтрак и сказал, что не приедет. Меня вместо себя прислал.

— Хорошо, я вас заселю, но предупреждаю, если Михаил приедет, я вас выселю!

— Не волнуйтесь, я сама выселюсь.

Утром, выйдя из душа, обнаруживаю, что фена нет. С мокрой головой спускаюсь к девушке, чтобы попросить фен. И еще вызвать слесаря, потому что батареи в северном городе — холодные. Спала в свитере. Да и сантехника нуждается в ремонте — душ плюется водой во все стороны, не попадая на того, кто стоит под ним.

— Паспорт давайте, — требует девушка.

— Зачем?

— Фен в обмен на паспорт, под залог. Такие правила.

— Девушка, у вас же есть копия моего паспорта, вы ночью сделали. И я никуда из гостиницы не денусь. У меня голова мокрая!

— Не положено. Тогда оставляйте тысячу рублей.

— Девушка, милая, давайте я высушу голову и принесу вам паспорт.

— Нет, сначала документ или деньги, а потом фен. И вообще у меня конец дня. А если отдам вам фен, то как смену передам? У меня же недочет будет! Я и так вам чужой номер отдала!

Маша Трауб

— Спасибо, — сдаюсь я, — давайте я тут прямо у вас высушусь. Под приглядом. И вы будете спокойны.

Девушка выдала мне фен — такой был еще у моей мамы. Один режим.

Если повернуть другим концом, в решетке вентилятора можно оставить полголовы — затянёт так, что не вытянешь.

— А вы настаиваете на слесаре? — уточнила она.

— Ну не то чтобы настаиваю, но очень хочется, чтобы было тепло. Может, нужно воздух в батареях продуть?

— Снега еще нет, зачем вам батареи? Никто не жалуется, а вы с утра пораньше начинаете. Никому фен не нужен, только вам. И знаете, что я вам скажу? Если бы приехал Трауб, таких бы проблем точно не было! Жаль, что он не смог и вас послал!

* * *

У каждой матери бывает состояние, хотя в этом тяжело признаться даже самой себе, когда от усталости и недосыпа способна думать на уровне инфузории-туфельки. То есть вообще никак. И хочется лишь одного — чтобы тебе сказали, что делать и куда идти. Как кто-то написал в соцсетях, хочется шоколадку, на ручки и кого-нибудь убить. Причем все одновременно. А заодно чтобы кто-нибудь принял за тебя все решения.

С каждым годом взросления детей становится страшнее. За все, каждую секунду. С годами накапливается много страхов.

Дочь Сима ушла в кино с подружкой.

Новые семейные обстоятельства

— Мам, ну восемь звонков за пять минут — это уж слишком. Я хотела фильм досмотреть, а потом в туалет ходила, — ласково упрекает она меня.

Для меня не слишком. Она взрослеет. Когда дети младенцы или ходят в детский сад — мамы бесстрашные. Поехать на другой конец города за чем-то нужным или кажущимся таковым, покормить ребенка в машине, подождать, когда он поспит в автомобильном кресле, регулируя или кондиционер, или обогрев салона — в зависимости от сезона. Заехать в магазин, еще в один. У меня теперь уже взрослый сын и дочь-подросток. А мне приходится себя заставлять доехать до ближайшего торгового центра. Потому что там срабатывает память — молодые ее лишены. И вот какая память.

В торговом центре подземная многоуровневая парковка системы серпантин. Я тут же вспоминаю, как в отпуске в южной стране на арендованной машине ехала в какой-то зоопарк. На заднем сиденье двухлетняя дочь и сын-подросток. Перед нами глохнет туристический автобус и начинает медленно скатываться вниз. Справа обрыв, слева — скала. А я — за рулем. И тоже скатываюсь вниз, чтобы автобус не впалялся в мою хлипкую легковушку. После этой истории не переношу езду по серпантинам даже на подземных парковках.

— Можешь подхватить Зою? — просит приятельница.

— Не могу, прости. Не успею, — отвечаю я.

Приятельница, не близкая, обижается. Но мы не в той степени знакомства, чтобы я начала объяснять. На перекрестке от дома приятельницы до мое-

Маша Трауб

го я попала в аварию. Беременная Симой, и так с постоянной угрозой выкидыша. В меня въехал мальчик, только восемнадцать лет исполнилось. Родители подарили ему машину на совершеннолетие. Но права не покупал, честно получил, сдал с пятой попытки. Он сам плакал. Инспектор кидался ко мне — я держалась за живот — и к мальчику — тот плакал и звонил родителям. Не знал, что делать. Мы мирно разошлись, но я с тех пор стараюсь объезжать злополучный перекресток. Все время вспоминаю тот момент — удар, пояс безопасности, сильно перетянувший низ живота. Потом были больница, сохранение, капельницы, уколы. Родилась Сима. Но страх не уходил, хотя и ее я возила туда-сюда в детском кресле. Уже не гоняла, как раньше, да и водить разлюбила, хотя в молодости наслаждалась дорогой, чувством руля.

* * *

Один мой знакомый рассказывал, что считал свою маму русалкой. Он многое не помнил из своего детства, но отдельные ситуации память воспроизводила четко. Мама набирала ванну, включая только горячую воду, и заставляла его сидеть в этой бане. В ванной запотевало маленькое зеркало, привинченное над раковиной, вся комната заполнялась густым паром. Он сидел и дышал. Мама капала в воду что-то из флакончика, который держала при себе. Знакомый думал, что это была микстура, непременно волшебная и русалочья. После процедур он удивительным образом выздоравливал. Вот я думаю, что капала ему мама? Масло чайного дерева? Эвкалипто-

Новые семейные обстоятельства

вое? Ароматерапия иногда действует лучше всех лекарств, если верить, что твоя мама — волшебница, да еще и русалка.

* * *

Еще одна встреча. Думала, что уже ничему не могу удивиться. В первом ряду сидел дедушка со слуховым аппаратом. Очень активно задавал вопросы. И так же активно поправлял слуховой аппарат, чтобы лучше слышать. Аппарат как-то сконнектился с моим микрофоном, и стоило дедушке поднести руку к уху, как микрофон начинал издавать противный писк на ультразвуке. Причем громкий. Заодно и фонить. Все в зале подпрыгивали от неожиданности. Я, честно признаться, тоже. Встреча прошла хорошо. Дедушка задал очередной вопрос, и мне не пришлось на него отвечать — сидящие в зале читательницы дедушкиного возраста сами принялись ему отвечать. Громко и все разом. Будто в тот момент его на том же ультразвуке пилила не одна жена, а двадцать. Я ему не завидовала.

* * *

Снова Питер. Я уже не начинающий автор, а достаточно известный.

Приехала на престижный фестиваль. Ведущая — девушка, очень милая, немного пугливая. Идет прямая трансляция. Две камеры. Девушка тушуетя и замолкает. Проходит минута, вторая. Девушка так и не находит в себе сил собраться с мыслями и начать встречу. Начинаю сама. Приветствую зрителей, пытаюсь шутить, рассказываю о вышедшей новинке. Предла-

Маша Трауб

гаю задавать вопросы из зала. Через пять минут девушка-ведущая начинает горько рыдать. С грохотом бросает микрофон на стеклянный столик и выбегает из зала. Сорок пять минут я сама себе задаю вопросы и сама же на них отвечаю. Выхожу. На меня набрасывается женщина из числа организаторов.

— Почему вы так поступили? — кричит она.

— Как?

— Вы не дали Свете возможность собраться! Зачем вы так с ней? Она прочитала вашу книгу! Целиком! Очень хотела вести встречу! А вы так с ней поступили! — кричит организатор.

— Она молчала. Что я должна была делать?

— Вы должны были проявить понимание! — обиделась организатор.

После встречи я отправилась в ближайшее кафе, где собиралась встретиться с подругой, переехавшей из Москвы. Подруга опаздывала уже на сорок минут. Я заказала десерт.

— Он у вас свежий? — уточнила у официанта.

— Конечно! — ответил тот.

Десертом можно было забивать гвозди. Его точно испекли при Петре Первом.

— Вы же говорили, что свежий, — сказала я официанту. Тот взял мою десертную ложку, отковырнул десерт с тарелки, прожевал и возмущенно выдал:

— Нормальный. Не протух же. Чего вы придираетесь?

Подруга опаздывала уже на час. Я не стала ее ждать. Она обиделась. Наверное, я должна была проявить понимание. Как и в отношении девушки-ведущей.

Новые семейные обстоятельства

И вот совсем недавно мы с мужем и дочкой отправились в отпуск под Петербург. Решили провести пару дней в городе, а уже потом ехать на озеро. Все было идеально. Отель выбрал муж — в доме, где жил Довлатов, только в другом подъезде. В коридоре бывшей коммуналки, превращенной в отель на несколько номеров, стояла печатная машинка — «ундервуд». В углу — старые чемоданы, составленные в красивую лесенку явно дизайнерской рукой. На столике — журналы «Огонек» шестидесятых годов. Все было идеально — и отель, и интерьеры, и подоконник с подушками, на который можно залечь и читать книгу. Кровать на антресолях, куда немедленно забралась дочь. На столике лежала книга Довлатова «Соло на ундервуде». Я ее читала много раз, но с удовольствием раскрыла посередине.

Та поездка многое изменила. Я начала подмечать смешное, забавное, смотреть по сторонам. Мне вдруг стало легко. На встречу с читателями пришло аж двенадцать человек — я специально посчитала, но это было неважно. Моя дочь грохнулась в обморок на выставке Врубеля в Русском музее. Смотрительницы провели нас в кинозал, где открывалось окно. Сказали, что летом еще хуже — дети часто падают в обмороки, плохая вентиляция. Мне стало нехорошо в доме Ахматовой — подскочило давление. Мы сорвали две экскурсии. Но в ту поездку я поняла, что Питер наконец откликнулся и принял меня. Я смогла за ним записывать. И за собой тоже. Иногда ведь совершенно не обязательно иметь замысел — можно просто делиться заметками.

Маша Трауб

* * *

Именно Петербургу я благодарна за идею этой книги. Мы выезжали из отеля, и муж — я его впервые за двадцать пять лет совместной жизни таким видела — страстно хотел стырить, свистнуть, то есть, попросту говоря, украсть, выложенный в общем коридоре номер журнала «Огонек» 1965 года издания. На обложке была изображена конькобежка — прекрасная репродукция. Я побежала на ресепшен спросить, как можно законно приобрести номер, готова была отдать любые деньги. Муж стоял и листал старый журнал, нюхал страницы, как это он делает во всех букинистических магазинах. Но администратора в этот момент не было, на звонки он не отвечал. Оставалось положить на стойку ключи и уехать. На день рождения мужа мы с сыном купили на аукционе полную подшивку «Огонька» за 1965-й. В этом году муж родился. Сидели на лавочке и листали. Да, конькобежка нашлась. Тот самый номер. Муж сказал, что это — лучший подарок за многие годы.

* * *

Приятельница, переехавшая по работе в Питер, рассказывает: «Хозяина съемной квартиры зовут Цезарь, фамилия коллеги — Ротшильд. Уже начала привыкать...» Она же пыталась вызвать на 8:30 условного «мужа на час», чтобы поменять люстру и повесить карниз. Да, утра. Три компании подряд отказались. Приятельница задала вопрос местным — с чего вдруг-то? «Для нас это практически оскорбление. Зимой в такую рань никто работать не может», — ответили ей.

Новые семейные обстоятельства

* * *

Ее же подчиненная, уходящая из офиса ровно в шесть ноль-ноль вечера, обиделась на просьбу задержаться и доделать работу. Расплакалась, сказала, что начальница вечно всем недовольна, и бросила заявление об увольнении на стол. Приятельница-начальница подписала. Но уволенная подчиненная так удивилась, что продолжала ходить на работу еще неделю, не веря, что с ней могли вот так поступить. Уволить! И за что? Ну и что, что она написала заявление по собственному желанию? Это ведь ничего не значит!

* * *

Живем в домике на озере под Питером. Красота невероятная. В Москве — тропическая жара, а здесь — плюс девятнадцать и дождь. В ванной приютилась крошечная сауна. Иногда понимаешь, что такое настоящее счастье — сауна размером с холодильник. Зато можно прогреться, высушить мокрую обувь, полотенца. С первого раза включить сауну я не смогла. Вызвала мастера.

— Вы что, никогда сейфы не взламывали? — искренне удивился тот.

— Не приходилось.

— Странно. С виду вы — образованная женщина. — Мастер, кажется, обиделся на ложный вызов. — Тут все просто. Крутите вот этот рычажок, только нежно и медленно, и слушаете. Должен быть щелчок. Не слышите? Как? Разве вы не окончили музыкальную школу?

Маша Трауб

Он спросил это так, будто человек, не получивший среднего музыкального образования, — не человек, а та самая козявка, которую вытирают об занавеску.

— Окончила, — ответила я с гордостью.

— Ну хорошо, допустим не по классу скрипки, а по фортепиано и у вас не абсолютный слух, но щелчок вы обязаны услышать. Нет? Тогда просто почувствуйте.

Каждый вечер пыталась «почувствовать» сауну и представить, как взламываю сейф. Новый для меня опыт.

* * *

Горничная смотрит на одеяло на нашей двухспальной кровати.

— А почему второе одеяло не попросили? — удивляется наконец она.

— Да мы как-то... — мямлю я.

— Что ж вы так мучились? — восклицает горничная и выдает второе одеяло.

— Говорят, примета плохая — спать с мужем под разными... — пытаюсь пошутить я.

— Плохая примета — под одним спать, — категорично заявляет горничная. — Ни вы не спите, ни он.

* * *

В Питере.

Утром бежим на экскурсию. Пробегаем мимо ночного клуба. На улице курят самые стойкие посетители. Из клуба орет: «Пора, пора, порадуемся на

Новые семейные обстоятельства

своем веку. Красавице и кубку... перьями на шляпах... судьбе не раз шепнем...» Загулявшая молодежь подпевает.

— Что это за песня? — удивляется дочь Сима, — Современная?

— Нет, очень даже древняя, — отвечаю.

Дальше я рассказывала дочери про таинственную красавицу Икуку, которая слышалась мне в детстве. А кому-то слышалась красавица якутка, красавица Икупка, красавице и кубку, счастливого клику, о значении которого оставалось только догадываться. И почему в «мерси боку» в слове «боку» ударение на последний слог, а не на первый. В том смысле, что все думали «спасибо богу», а не «большое спасибо» по-французски. Или — «мерси в Баку». И как в моем детстве была присказка: «Мерси. И больше не проси». Как переделывали: «пора, пора, порадуемся на своем веку» в «пока, пока по камушкам мы школу разберем...» Сима хохотала всю дорогу.

— А что дальше? В самой песне? — спросила она.

— Не помню, — пришлось соврать мне. Потому что продолжение для нашего поколения вполне невинное в современных реалиях и для современных детей звучит совсем страшно. Захотите вспомнить, поищите в поисковике. Интернет все помнит.

* * *

За несколько лет многое изменилось. В том числе рестораны. Теперь в Питер хочется приехать позавтракать. Или поужинать. Поймала себя на мысли, что официанты похожи на студентов филфака, если

Маша Трауб

молодые, а те, кому за тридцать, — на доцентов вуза. Лексика безупречная.

— Мне бы вашу память, — восхищаюсь я юношей. Он запоминает заказ без записи. Повторяет безошибочно.

— У меня лучше с аудированием, — скромно признается тот.

— Посоветуете буйабес? — спрашиваю у другого официанта.

— Я его пока не понял. Но стараюсь, — ответил тот серьезно, немного сумрачно, злясь то ли на себя, то ли на непонятый буйабес.

Симу называют «девушка» и на «вы». Она иногда оглядывается, проверяя, к ней обращаются или нет? Моего мужа называют «спутник». Мне это льстит. Его, кажется, раздражает. Он тоже оглядывается в поисках моего спутника.

* * *

Удивительно жаркий день на озере. Все постельцы высыпали на пляж. Хозяйка уже пожилого на вид мопса пытается научить его плавать. Пес сопротивляется и чуть ли не лапой хватается за сердце — на старости лет такие испытания! Никаких нервов не хватит. Рядом за палкой со скоростью чемпиона Олимпийских игр плавает туда-сюда джек-рассел-терьер. Ну тот, который как в фильме «Маска». Хозяйка мопса, отвлекшись от процесса обучения, смотрит на терьера с восторгом. Пожилой мопс, выбираясь на берег, трусит к хозяину, который тоже не желает плавать, а желает лежать в теничке.

Новые семейные обстоятельства

* * *

— У меня разыгралась мигрень, — говорит женщина своему спутнику. — Просто жуткий приступ. Думаю, мне надо выпить.

Время — одиннадцать утра. Спутник, точно не муж, судя про готовности выполнять желания, бежит в бар как в аптеку за лекарством. Смотрю на них и думаю, вот бы взять это на вооружение.

* * *

Недавно в топах новостей затесалась трогательная тема. Малоизвестная широкой публике зарубежная писательница поделилась в твиттере сожалением — на ее встречу с читателями пришли всего два человека, и те — ее друзья. Неожиданно своими историями «провалов» в комментариях стали делиться признанные авторы — от Стивена Кинга до Маргарет Этвуд. Рассказывали, как к ним вообще никто не пришел. А Этвуд, автор «Рассказа служанки» и многих других книг, написала, что к ней на встрече подошел парень с вопросом, где купить скотч. Еще есть прекрасная книга, переведенная на русский язык, — «Со стыда провалиться». В ней всемирно известные авторы — Чак Поланик, Джулиан Барнс и другие — делятся своими историями провалов на встречах с читателями, в ходе интервью, переговоров и автограф-сессий. Если вы или ваши дети боитесь публичных выступлений так, как боюсь их я, обязательно почитайте. Очень помогает посмотреть на ситуацию с юмором.

Маша Трауб

У меня — своя история писательской инициации. На первую встречу и автограф-сессию я шла на подгибающихся ногах. В зале, где на столе были красиво разложены экземпляры моей первой книги, я сидела в полном одиночестве, умирая от горя. Потом появилась женщина. Она шла ко мне решительно. Я временно перестала умирать и улыбнулась самой приветливой из своих улыбок:

— Здравствуйте, очень рада вас видеть! Спасибо, что пришли. Вот книги. — Я показала на стол.

— Э... а контурные карты у вас где? — уточнила женщина.

Начинающим писателям стоит так же запомнить, что в рейтинге продаж всегда будут лидировать правила ГИБДД, решебники для шестого класса, прописи для первого и тестовые задания по ЕГЭ. Просто смиритесь.

* * *

Про водителей такси у каждого есть своя история. Обычно таксисты признаются, что на самом деле владеют многочисленными квартирами, разнообразными бизнесами, окончили престижные вузы, а такси так, временное хобби. Но мне такие встречаются редко.

Ехала на важную встречу. Опаздывать было категорически нельзя. Выехала настолько сильно заранее, что предполагала час гулять по округе. Водителем оказался мужчина в возрасте. За шестьдесят. Сильно. Но я таких люблю. Они не умеют ездить по навигатору, только по бумажной карте, наитию и старой памяти. Этот мужчина носил очки с таки-

Новые семейные обстоятельства

ми диоптриями, какие я видела впервые в жизни — будто увеличительные стекла на каждом глазу. Кажется, он привык ездить на механике и никак не мог надавить ногой на педаль тормоза, все время промахивался. Мы ехали на дикой скорости, подрезая автобусы и другие автомобили. В какой-то момент водитель чихнул, причем сильно, упав лицом в руль. Ногу он по-прежнему держал на педали газа. Я зажмурилась, попрощалась с жизнью, кажется, хотела пристегнуться дополнительными ремнями безопасности. После чиха водитель повернулся ко мне всем телом и сказал: «Простите, в нос что-то попало, не волнуйтесь, я не болею». Он смотрел на меня, а не на дорогу. Мы ехали по проспекту. По-прежнему на дикой скорости. Когда подъезжали к светофору, я начинала мычать и давить обеими ногами в пол. Ладно, я даже разговаривала со светофором, умоляя его подержать еще желтый и не переключаться на красный. А чтобы успокоиться, пыталась вспомнить, в чем разница между светофором и семафором. Так и не вспомнила. Кажется, мой чихающий водитель с очками-лупами считал желтый свет созданным для красоты, а красный вообще лишним. Или же он был еще и дальтоником. Я вывалилась из машины, обещая всем богам вести себя хорошо, раз они спасли мне жизнь.

* * *

Еще один водитель. На сей раз молодой. Голову держит не так, как обычные люди, а слегка наперекосяк.

— Все в порядке? — уточняю я.

Маша Трауб

— Да, шею заклинило. Повернулся неудачно, — отвечает он. — Но вы не волнуйтесь, я почти привык.

Всю дорогу пытается двигать головой. Шея клинит то вправо, то влево. Наверх посмотреть не может. То есть едет, вообще не глядя в зеркала. Опять прощаюсь с жизнью.

— Может, я смогу вам помочь? — спрашиваю я.

Остаток пути массирую водителю шею и спину. Тот ойкает и айкает. На светофорах другие водители смотрят на нас, так сказать, не без интереса. Приезжаем. Водитель говорит, что я его спасла. Просто чудо какое-то. Я, не чувствуя рук, вяло киваю и благодарю за поездку. Спасибо, что живой, как говорится.

* * *

Совсем недавно. Подказала водителю, где лучше повернуть — в нашем районе навигаторам доверять нельзя. Бонусом идут программы «прокачай свое терпение», «научись справляться с гневом» и «завязывай уже с трезвым образом жизни». И все это — пока пытаешься выехать из нашего двора. Поблагодарил. Доехав, сказал: «Пусть ваш вечер ничто не омрачит». Сказал так искренне, что я поверила — этот вечер будет счастливым. Так и оказалось.

* * *

Иногда стоит верить в эти случайные встречи. Попрощаться с жизнью, чтобы понять, что делать дальше. А иногда просто принять на веру искреннее пожелание от постороннего человека. И оно обязательно сбудется.

Новые семейные обстоятельства

* * *

У нас в семье большая радость. Дочь Сима начала самостоятельно ходить в школу. Восьмой класс, тринадцать лет. До этого мы ее отводили и встречали. Не потому, что ненормальные родители, а потому, что ее «не видел» лифт. Прекрасно помню, как в прошлом году Первого сентября всей семьей выстроились в коридоре. Вызвали лифт, долго целовались и обнимались. Лифт приехал, Сима в него вошла и... никто никуда не поехал. Наш лифт, как позже выяснилось, настроен на определенный вес пассажира.

— Может, ставить с ней пятилитровую бутылку с водой? — предложил старший брат Василий. Но Сима отказалась ездить с бутылкой.

— Как дела в школе? — спросила я.

Дочь выглядела уставшей и раздраженной.

— Плохо. Опять на информатике сражалась со стулом.

Оказалось, у них в классе установлены стулья с «подъемником». Чтобы его опустить, нужно сесть, а чтобы поднять — встать. Сима садится на стул, тот думает, что с него кто-то встал и взлетает вверх так, что дочь катапультируется. Все стулья в классе уже проверили — они ведут себя так же, как лифт. Кто-то из мальчишек предложил Симе садиться вместе с рюкзаком. Попробовали — сработало. Но стоило опустить рюкзак на пол, как Сима снова взлетела на стуле.

Вечером дочь вышла из ванной с ужасом в глазах:

Маша Трауб

— Мама, меня весы тоже не видят!

— Зато они меня очень хорошо видят. Поэтому я вытащила из них батарейку, — успокоила я ее.

* * *

Семилетняя Полина надела утром в школу колготки с люрексом «вырви глаз» — подарок от бабушки на Новый год.

— Сегодня какой-то внеплановый праздник? — уточнила ее мама, моя подруга Катя.

Полина, ни разу не смотревшая фильм «Операция Ы и другие приключения Шурика», безупречно воспроизвела интонацию:

— Мама! Школа для меня всегда праздник! — И хлюпнула носом, растрогавшись.

* * *

— Ты чего такая злая? — спросила я Катю, мать троих детей.

— Да надоело все! — воскликнула всегда сдержанная Катя. — Мужик рядом храпит. Ева поперек кровати развалилась!

Ева — младшая дочь, не желающая перебираться из родительской кровати в собственную. Мужик — Катин муж, терпеливый, заботливый, обожающий жену и трех дочек.

— Еще и свекровь пришла утром «поговорить», — продолжила Катя. — Узнала, что я купила себе отдельное одеяло, начала причитать, что спать под разными одеялами с мужем — к разводу. А если

Новые семейные обстоятельства

муж на себя одеяло натягивает, Ева вообще без одеяла спит, мне-то что делать?

* * *

Катин муж Денис уехал в Сочи со старшими девочками кататься на лыжах.

— А ты стоишь на лыжах? — спросила я подругу.

Мой муж тоже любитель горных лыж и обоих детей выводил на склон с раннего детства. Я же так и не пристрастилась. Стоять — стою, но предпочитаю детские горки. Смотреть, как с горы на огромной скорости скатываются мои дети, не могу. Максимум, на что способна, — съехать на лыжах до ближайшего кафе и выпить сразу два глинтвейна, чтобы хоть немного успокоиться.

— Зачем доезжать? Можно и внизу выпить, — ответила Катя.

Мне такое очевидное решение в голову не приходило.

* * *

Катя все же решила проверить, что положила в чемодан Полина на неделю поездки. Держалась три дня, предоставив девочкам возможность собраться самостоятельно. Поля положила пятнадцать трусов и пятнадцать пар носков — собственно, все, что выгребла из ящиков. Сверху уложила летнее платье, белые джинсы и две футболки, причем не свои, а Евины. Поверх вещей лежали две книги — «Приключения Робинзона Крузо» и «Сказки народов мира». Толстые.

Маша Трауб

— Поля, ты уверена, что успеешь их прочесть? У тебя времени не будет. Лучше положи термобелье и запасной спортивный костюм. Возьми тонкую книжку в самолет, тебе хватит, — предложила Катя.

— Мама! Ты запрещаешь мне читать! А я так хотела! Подумай, что скажет об этом Маша! — воскликнула Поля с надрывом в голосе.

Поля очень гордится знакомством со мной, настоящей писательницей. И всем учителям говорит, что ее домашку проверяет не какой-то там репетитор, а настоящая Маша Трауб. Почитайте, да, ознакомьтесь, если не в курсе. Благодаря Полине у меня расширяется круг читателей из числа учителей.

* * *

Пользуясь отсутствием мужа, старших дочек и образовавшимся свободным временем, Катя закупила разнообразные натирки, мази, обертывания для быстрого похудения.

— Намазалась сегодня, — рассказывала она. — По инструкции, надо было укрыться одеялом и лежать тридцать минут. Я накрылась двумя для двойного эффекта и уснула на два часа.

— И как результат? — спросила я.

— Хожу вся красная и чешусь.

— Похудела?

— Весы говорят, что нет. Плюс полтора килограмма.

— Это еще откуда? — удивилась я.

— Оттуда. Я съела припасы Алисы и Полины. Уби-

Новые семейные обстоятельства

рала в их комнатах и нашла конфеты, печенье и баночки. Ну не выбрасывать же. Думала, обертывание их сожжет, но не сожгло.

* * *

Худющая Полина съела в один присест столько, сколько моя дочь Сима за день не съедает.

— Полина, где у тебя еда откладывается? — удивилась я.

— Как где? В голове!

* * *

— Ева, что ты хочешь? — Мне позвонила Катя, а малышка крутилась на кухне. — Что? Кока-колу? В десять утра? Прекрасное желание. Я тоже хочу. Возьми актимель.

— Катя, Ева что, уже пробовала колу? — возмутилась я.

— Она третий ребенок в семье. Чего она только не пробовала, — ответила Катя.

* * *

Катя написала, что у них окончательно сломалась посудомойка. Поехали в магазин купить новую. Малышка Ева спросила:

— Что мы тут купим?

— Посудомойку.

— Наконец-то вы помоете мою тарелочку! — истошно закричала на весь магазин Ева.

Маша Трауб

* * *

Полина решила, что ей нужно худеть и поэтому она будет бегать на школьном стадионе, расположенном под домом. Начнет прямо сегодня. На часах было семь утра. Полина — жаворонок. Оказалось, что и Ева тоже.

— Мам, пойдем, я тоже хочу бегать. — Ева начала будить маму.

— Вот папа проснется, и вы пойдете гулять, — буркнула Катя, до четырех утра сидевшая над швейной машинкой, — шила новый купальник для выступлений.

— Папа, ты когда проснешься? — Ева села спящему папе на грудь и взяла его за лицо. Начала трясти. — Папа! Ты сейчас проснешься? — Ева продолжала трясти отца за все части тела.

— Напомни, мы хотели завести кота или ребенка? — проямлил муж, которого все детство кот Бани будил, садясь на грудь и колошматя лапами.

* * *

«Как дела?» — пишу я Кате.

«Не могу дезактивировать Еву», — отвечает подруга.

* * *

У Кати всегда найдется нестандартное определение обычным радостям: «Сбежала из дома. Мне надо было в себя сознание вернуть». Это означает, Катя уехала на маникюр.

Новые семейные обстоятельства

* * *

Ева начала говорить. Первое слово — «есё», то есть «ещё». Малышка произнесла его ночью, требуя добавки ночной каши из бутылки. Ева предпочитает питаться по ночам. Катя говорит, что дочь выбрала «интервальное голодание» — пропускает обед в садике и ужин дома, зато ночью отъедается.

— Ева сказала первое слово! — Катя пыталась поделиться радостью с мужем, но тот ответил «ага» и повернулся на другой бок.

Утром муж завтракал. Катя, собирая Еву в садик, безуспешно пыталась натянуть на дочь куртку по погоде, убеждая, что идти в одном платье холодно.

— Ма-а-ам! — закричала из комнаты старшая, Алиса. — Полина опять мою юбку забрала! Я что, голая в школу пойду?

Катя убежала разбираться со старшей и средней дочерьми.

— Катя, Ева сказала первое слово! — прибежал радостный муж.

— И какое? — уточнила Катя.

— Я не понял. Ева, скажи еще раз, — попросил счастливый отец.

— Дуя, — сказала Ева.

— Дура. Она говорит — дура, — перевела Катя мужу, все еще соображая, как стянуть юбку со средней дочери и натянуть на старшую так, чтобы никто не зарыдал от несправедливости.

— Дуя, — сказала еще раз Ева, подходя к маме и ласково ее обнимая.

Катя села на кровать.

Маша Трауб

— Нет, ну от тебя я такого не ожидала, — сказала она младшей дочери.

— Может, из садика? — с надеждой спросил муж, осторожно двигаясь к выходу из комнаты.

— Нет, это я тебе вчера сказала: «Что ты из меня дуру делаешь?» Вот Ева и подцепила!

— Прости, я больше не буду, — быстро проговорил муж и сбежал на кухню. — Посуду я помою. И мусор тоже выброшу!

— И Еву из садика заберешь! — крикнула вслед Катя.

Из комнаты девочек раздался вопль.

— Ма-а-ам! Ну это вообще! — возмущалась старшая Алиса.

Стянутую со средней, Полины, юбку захватила Ева и пыталась надеть на платье.

— Есё, — объявила малышка маме.

— Ладно, все-таки первое слово было не «дура», а «еще», — растрогалась Катя.

* * *

«Не знаешь, как увеличить грудь — надень платье с бантом на том самом месте», — написала Катя, приклеив фотографию Полины в платье с огромным бантом на груди.

* * *

Поля пытается открыть пенал, который заклинило.

— Давай помогу, — предлагает мама Катя.

— Нет, я сама могу, — отказывается дочь.

Новые семейные обстоятельства

Пенал открывается, содержимое, естественно, высыпается на пол.

— Ну хорошо, что точилка пустая, а не как в прошлый раз, — констатирует Полина.

* * *

«Объявление», — присылает мне Катя очередной перл от Полины.

— Это она так сказала или написала? — уточняю я.

— Сказала. Написала, надеюсь, не так, — отвечает Катя.

* * *

Сейчас в подъезде снова много детей. И они такие же смешные, какими были повзрослевшие и уехавшие жить отдельно наши старшие дети. Например, Нюся с шестого этажа. Третий класс. На школьном рюкзаке висит здоровенный заяц размером с рюкзак. Грязный, потому что Нюся не разрешает его стирать. Он вроде как талисман на удачу. Постираешь и не возьмешь в школу — точно получишь двойку. Нюся очень вдумчивая девочка.

— Поедешь? — спрашиваю я, придерживая двери лифта.

Нюся думает минуту, только потом кивает.

После этого она долго и внимательно рассматривает кнопки лифта, прежде чем нажать на нужную. Консьержка уже бьется у двери с другой стороны, гадая, то ли мы застряли, то ли надолго задумались. Наконец Нюся жмет на шестой, я на свой тринадцатый.

Маша Трауб

— Как дела? Все хорошо? — спрашиваю я.

Нюся обдумывает ответ до своего этажа.

— Да, пятерку по русскому получила, — отвечает она, выходя. На этаже рассматривает дверь и звонки, будто видит их впервые в жизни. Наконец нажимает на нужный. Я с облегчением выдыхаю и еду на свой этаж.

На первом этаже в это время консьержка объясняет остальным жильцам, что лифт не сломан, просто в нем Нюся едет. Поэтому кажется, что он не работает.

* * *

А еще есть четвероклассница Милена с десятого этажа. Мама ей не разрешает заходить в лифт с посторонними людьми — хоть с тетями, хоть с дядями. Милена и ее мама Александра меня прекрасно знают. Но каждый раз Милена застывает на первом этаже и звонит:

— Мама, тут Маша, мне можно с ней в лифт зайти?

— Какая Маша? — немедленно пугается Александра.

— Ну тетя Маша с тринадцатого этажа.

— Это точно тетя Маша? — уточняет мама.

— Да, точно. Только у нее лицо красное. И шея в пятнах, — отвечает Милена. — Тогда мне нельзя с ней ехать?

— Включи громкую связь.

Дальше я рассказываю соседке, что ходила к косметологу, делала лазер, чтобы избавиться от морщин, а до этого — подкалывала шею с той же целью. Мы обсуждаем современные методы косметологии, спо-

Новые семейные обстоятельства

собы справиться с морщинами, татуаж бровей — это уже консьержка подключилась.

— Ма-а-ам, — встревает в разговор Милена. — Так можно я с Машей поднимусь на лифте? В туалет очень хочу.

* * *

Ничего не меняется. Моя подруга Катя, та самая мама трех дочерей, решила, что средняя, Полина, нуждается в дополнительном душе после покаканья. Ну, плохо ребенок вытирает попу. Младшая, Ева, понаблюдав за процессом, решила, что ей тоже так надо. И после каждого писанья в горшок требовала душа и чистых трусов. Даже ночью. Измученная водными процедурами Катя пыталась запихать на ночь Еву в памперс, но не тут-то было. Ева сдергивала памперс и шла на горшок, а после этого — в душ. Очень чистоплотная девочка. Ева предпочитает есть, пить, какать, писать, принимать душ исключительно в ночное время суток.

* * *

Ева в силу возраста выговаривает не все буквы. Букву «эс» произнести не может. Поэтому говорит, что идет не в садик, а в «адик».

— Адик дём? Дём в адик? — спросила Ева маму, когда они задержались, провожая старших сестер в школу.

— Ох, бедный ребенок, — сочувственно заметила проходящая мимо женщина. — Уже все понимает про эту жизнь. Что же дальше будет?

Маша Трауб

* * *

Мой старший сын Василий, как и многие студенты, использовал родной дом как банно-прачечный комбинат и столовку. Возвращаясь из поездок, сваливал огромную кучу вещей рядом со стиральной машинкой. Правда, вытаскивал из карманов документы, салфетки и прочие предметы. Я убедила его, что паспорт еще одной стирки не переживет, как и студенческий билет с проездным.

Так было и в этот раз. Я разобрала кучу, перестирала. Развешивая вещи, увидела незнакомые колготки. Женские, но точно не мои. Других предметов женского туалета в постиранной стопке не наблюдалось. Вещи сына я всегда стираю отдельно — все-таки он физик, выбрал кафедру физики ускорителей и радиационной медицины. Ну мало ли что он забыл вытаскать из карманов?

— Вась, я постирала колготки. Может, твоей девушки? — уточнила я у сына. — Узнай у нее, не теряла ли колготки? Хорошие. Надо мне такие же купить.

Другой молодой человек тут же начал бы писать девушке и уточнять про колготки, но не мой сын. Он сначала что-то высчитывает, анализирует, а потом выдает результат.

— Mam, это не ее. Она не могла уйти без колготок, — ответил он.

— Почему? — удивилась я, помня, что в молодости могла забыть дома не только колготки, но и голову.

— Зима на дворе, холодно.

Новые семейные обстоятельства

— А чьи они тогда? — спросила я. — Надо бы вернуть хозяйке.

Так уже было, когда я обнаружила у сына в комнате пакет, в котором лежали шапочка для намаза, женский шарф, мужская футболка не его размера, одна сережка и православный крестик. Долго пыталась сопоставить в голове найденные предметы и никак не могла найти разумное объяснение. Выяснилось, что он уходил последним с вечеринки и забрал все забытые вещи. Владельцы уже нашлись — осталось только передать «потеряшки». Но сейчас были колготки, одни.

— Мам, это мои, — сказала Сима, заметив, что я рассматриваю колготки, представляя Васину девушку, будто она завтра станет моей невесткой. — Я их вчера положила в стиральную машинку, а потом их Вася своей одеждой завалил.

* * *

Когда Вася уже переехал, я разбирала его шкаф. Совсем старые и застиранные футболки собиралась выбросить и перестирать и погладить те, которые ему могли еще пригодиться. Выбросить так ничего и не смогла — эту футболку я ему подарила, другую — привез отец. Еще одну утащила себе Сима. И вдруг я наткнулась на футболку, которую видела впервые. Фиолетовая, размера икс эс. То есть явно не Васина. На спине футболки было написано — «Победитель Всероссийской олимпиады школьников по астрономии». Тут я почти упала в обморок, но решила уточнить у сына.

Маша Трауб

— Васюш, а твоя девушка побеждала во Всеросе? — заикаясь, спросила я. Мамы детей-олимпиадников меня поймут. Всерос (Всероссийская олимпиада), а уж тем более победитель — это сразу гений. Победить во Всеросе, что дает право поступления в любой вуз на любой факультет по желанию победителя, — мечта. В подавляющем большинстве случаев — несбыточная. Стать призером вузовской олимпиады — уже счастье.

— Да, а как ты узнала? — удивился Василий.

— Футболку нашла. Это ведь ее? Я надеялась, что не ее, — призналась я.

— Да, она победитель Всероса. Поэтому поступила в МФТИ.

Ну да, кто бы сомневался. Другие матери находят в комнатах взрослых сыновей забытые лифчики, трусы, а я — футболку победителя Всероссийской олимпиады. Нормально для духовных людей, к тому же для семейства, где родители — гуманистари.

Футболку постирала, погладила. Думала, поместить в багет и повесить на стену. Ходить и ахать от восторга.

* * *

Васина девушка сдала первый экзамен в магистратуре. На максимальный балл. Впервые в истории курса или даже университета. На нее показывали пальцем, как на звезду, вжимались в стены, когда она проходила по коридору, а профессор пригласил на обед, чтобы узнать, как такое вообще могло произойти.

Новые семейные обстоятельства

— Васюш, а если ты сдашь хуже, она тебя бросит? — уточнила я.

— Не думаю, — ответил сын, но напрягся.

* * *

— Кать, ты где? — Я позвонила подруге.

— Я — многодетная мать, и мне нужен отдых, — шепотом ответила она. — В кино, смотрю «Человека-паука».

— Тебе не нужно девочек с тренировки забирать? — удивилась я.

— Блин, на самом интересном месте! Поеду завтра снова. Досматривать!

— Кать, ну какой «Человек-паук»?

— Один день с моими детьми, и ты тоже будешь смотреть «Человека-паука»!

* * *

У Васи в комнате над письменным столом, под потолком в углу, живет паук. Его зовут Гоша. Паук живет там столько, сколько мы в этой квартире. То есть уже двадцать лет. Возможно, это уже Гоша-второй или Гоша-четвертый. Но Гоша — наш домашний питомец. Отец семейства очень хорошо, просто прекрасно относится к домашним животным, если они не живут в его квартире. Гошу, каким бы по счету он ни был, муж терпит, поскольку тот не требует особого питания, не какает, не писает и не линяет. Видимо, у нас очень хороший климат в доме — мухи не впадают в спячку и иной раз летают даже зимой.

Маша Трауб

Иногда и комары приживаются. Долго жили две божьи коровки — Желтоглазка и Эмма. Так их Сима назвала и всячески опекала, соорудив в картонной коробке лесопарковую зону. Гоша-какой-то-там, видимо, не испытывает недостатка в пропитании, спокойно вьет свою паутину. Не грызет тапочки и не дерет обои.

К Гоше мы привыкли, хотя мой муж — маньяк чистоты. Он не терпит пыли даже на косяке входной двери. И тут у нас появилась новая домработница. Она еще не успела добраться до Васиной комнаты, когда я поняла, что Гоша не жилец. Вася перед приходом любой феи домашнего очага, включая меня, засовывает в ящики все, что можно и нельзя, в том числе пустые бутылки с остатками напитков, состав которых я не желаю даже себе представлять. Сын прекрасно знает, что я боюсь не то что заглядывать в его ящики — даже открывать их. Там может что-нибудь взорваться или пахнуть так, будто он действительно хранит скелеты не только в шкафу, но и в тумбочке. Сын, напоминаю, физик. У него царит идеальная чистота в комнате, но только если не заглядывать в ящики. Откроешь — и вдруг волосы встанут дыбом от результатов какого-нибудь физического опыта?

У Симы все игрушки лежат в строгом, раз и навсегда заведенном порядке. Пересадить плюшевую собаку с кровати в корзину для игрушек — месяц обсуждений и договоренностей. Она сама убирает свою комнату, чтобы кто-нибудь, не дай бог, не сдвинул цветок на подоконнике на сантиметр влево или вправо от положенного места.

Новые семейные обстоятельства

Мы с домработницей вошли в комнату сына вместе. Она боялась одна. Я, откровенно говоря, тоже. Оба моих ребенка — сын и дочь — стояли ногами на столе и смотрели в потолок. Сима что-то сюсюкала и заливалась слезами. Вася пытался ее успокоить.

— Гошу не трогайте! — закричала, рыдая, Сима. — Он родной!

* * *

Одноклассница пригласила Симу на день рождения. Дочь младше всех в классе на год — слишком рано пошла в школу — и была счастлива, что ее включили в компанию.

— Мам, что такое фастфуд? — Она всегда готовится к мероприятиям. Синдром отличницы.

— Ну ты же знаешь — быстрая еда, — ответила я.

— Я знаю, как это переводится, не знаю, как это выглядит! — воскликнула в отчаянии дочь.

Тут я поняла, что Сима ни разу не была в «Макдоналдсе» и прочих подобного рода заведениях. Мое упущение.

— Это бургеры, картофель фри, наггетсы, кола и так далее, — объяснила я.

— Понятно, «запрещенка», — кивнула дочь-спортсменка, убежала, но прибежала еще через пять минут.

— Мам, а как играть в мафию? — спросила она.

Популярность мафии настигла меня во время активной работы корреспондентом в газете и раннего материнства. То есть я знала, что существует такая игра, приблизительно понимала правила, но сама никогда не играла. Так что объяснить дочери прави-

Маша Трауб

ла во всех подробностях была не в силах. Мой сын вырос в те годы, когда мафия уже перестала считаться культовой игрой.

— Загугли и почитай правила, — ответила я.

— То есть фастфуд я не ем, в мафию играть не умею. Зачем я вообще еду на день рождения?

— Узнать, чем живут твои сверстники. Для общего развития и социализации.

— Мам, я все время куда-то езжу для социализации. Ничего не помогает, — пожалала плечами Сима.

Восьмиклассникам решили устроить вечернюю дискотеку. Аж на два часа. С пяти до семи вечера.

— А что делают на дискотеках? — спросила Сима.

— Танцуют, ты же была на дискотеках на спортивных сборах, — удивилась я.

— Но на школьных же я не была! И что — два часа только танцуют?

— Нет, конечно! Еще сплетничают, страдают, ждут приглашения на танец, целуются с мальчиками!

— И зачем для этого устраивать дискотеку? У нас каждый день в школе все страдают и целуются.

— Ну что, как дискотека? — спросила я Симу. — Танцевала с мальчиками?

— Нет, конечно! Зачем с ними танцевать? — возмутилась дочь.

У Симы в школе появилась новая учительница по черчению — Евгения Игоревна. Современных детей странными и редкими именами удивить сложно. Вот недавно они биологичку довели до нервного срыва.

Новые семейные обстоятельства

Она назвала девочку Миланой, а та оказалась Миленой. Еще одну назвала Таисией, а она была Анисией — Таисией звали ее старшую сестру. На Симе биологичка зависла и сломалась. Помнила, что что-то редкое. Назвала Симоной. Девочку Александрию упорно называла Александрой, а Алисию — Алисой. Кошмар, одним словом.

— Что, у родителей фантазии не хватило на женские имена? — хмыкнул Гоша, но не Георгий и не Юра, а Егор, узнав имя и отчество учительницы по черчению.

— Может, ее папа мальчика хотел, — предположила Арсения, которая должна была родиться мальчиком Арсением, но родилась девочкой.

* * *

Мне очень нравится Сими́на учительница математики. Вера Ивановна считается строгой и требовательной, что не мешает ей быть искренней, честной и очень доброй. А главное, с чувством юмора. У Веры Ивановны что ни день, то происшествие. В основном это связано с ее кошкой, которую зовут то ли Мяу-Мяу, то ли Кис-Кис, то ли Мур-Мур — Сима все время путается. Но то, что имя двойное, — это точно. Кошка равнодушна к тетрадям, которые Вера Ивановна приносит домой для проверки работ. И обязательно одну или две сгрызет. Кошка, конечно, а не учительница. На этот случай у Веры Ивановны припасены смешные наклейки, которые она выдает владельцу тетрадки, пострадавшей от зубов и когтей кошки. Чтобы заклеить

Маша Трауб

нанесенный ущерб. Когда кошке надоедает грызть тетради, она опрокидывает на них вазу с цветами. Или стакан с водой, забытый на рабочем столе. Или чашку с чаем.

— Вера Ивановна, а вы проверили наши контрольные? — спросили восьмиклассники.

— Проверила. Они сушатся. Вот поглажу и принесу, — ответила учительница, аккуратно выстригая из старых тетрадей для контрольных за пятый или шестой класс чистые листы, чтобы раздать восьмиклассникам для самостоятельной работы.

Когда дети впервые услышали, что Вера Ивановна сушит и гладит тетради, они стали переживать за самочувствие учительницы. Но она объяснила — кошка опрокинула вазу, тетради намокли, сейчас сохнут, развешанные, как белье, на сушилке. Останется только прогладить, и все — будут как новенькие.

Я тут же представила себе бельевую сушилку с тетрадками и Веру Ивановну с утюгом, проглаживающую с двух сторон каждый листочек, как пеленки для младенцев. Сима сказала, что именно так и делает учительница. Мне кажется, это очень смешно.

* * *

А еще у Веры Ивановны все время что-то ломается. Вот в последний раз компьютерная мышь упала на пол и перестала работать.

— Кирилл, ты сделал домашнюю работу? — спросила Вера Ивановна, тщательно следящая за выполнением домашки.

— Нет, — признался тот.